

Пастух

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты меня на добрый путь наставила,
Дурака меня оболванила,
Добрый молодец в люди вывела,
Как я был еще млад-младешенек,
А потом как был и на возрасте,
Нерадивый был, непонятливый.
Возьмусь за соху полоса крива,
Возьмусь за косу из рук валится.
Только песни петь умел девкам я,
Да разжалобить хмель кабацкую
В стариках умел я по праздникам.
Долго ждал-глядел и грозил отец,
Да и грянул вдруг, что по небу гром,
И, что гул в бору, мать поддакнула.
Отобрали мой новый синь кафтан,
Шляпу с пряжкой, пояс шелковый,
Дали в руки кнут да дыряв зипун,
В пастухи меня, дурня, отдали.
И пастух-то я нерадивый был:
Пас в лесу сперва да соскучился,
Стал в луга гонять закручинился,
Норовил потом на дороженьку
На проезжую, на шоссейную.
Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Как пришло тебе твое времечко,
Не дорогой ты стала улицей.
Разлетелися галки, вороны,
По березничку в стороне сидят;
Серый зайнышка в кустик спрятался,
Приложил ушки, сам дрожит как лист;
Господа ль катят, шестерик валит
В стороне и те дожидаются;
Тройка ль бойкая несет купчика,
Пьян ямщик стоит, гонит что есть сил,
Да и ты, купец, поворачивай:

Ровно птицы снуют всё фельдъегери.
Только утро-свет замерещится,
Уж скрипуч обоз без конца ползет,
Всё добро везут, кладь казенную,
Вслед полки идут, едет конница,
Кони фыркают, сабли звякают,
Усачи сидят, подбоченились,
Говорят-шумят добры молодцы,
Пастуха корят рохлей-увальнем,
Дураку кричат: На кобылу сядь,
Сядь на пегую, да лицом к хвосту,
Мы с собой возьмем, прямо в вахмистры!
А потом идет артиллерия:
Пушки медные, всё сердитые,
Фуры крашены с сизым порохом;
Офицер идет хоть молоденький,
Только быстрый взгляд, носик вздернутый.
Пастуха опять дразнят молодцы,
Дурака корят рохлей-увальнем
И с собой зовут позабавиться:
Эй, деревня, слышь! Зубки беличьи!
Погрызи, поди, всласть и досыта,
У нас фуры вон всё с орешками,
Всё с орешками, всё с чугунными.
Им пехота вслед: вперед музыка,
С запевалами, с пляской, с гиканьем;
Ружья что твой лес! Каски медные,
Полы загнуты, сапоги в пыли:
Идут стонет дол! Чуешь сила валит,
Проучила меня зевать конница,
Проучила глазеть артиллерия:
Уж пехоте я в пояс кланялся,
С головы скидал шапку старую,
Заслужил пастух слово доброе.
Брал я удали, заговаривал,
Провожал солдат семь и восемь верст;
Разузнал от них, на чем свет стоит,
Сколько в свете есть городов и сел,
И которые христианские,

И которые басурманские;
Как задумали злые нехристи
Полонить пришли землю русскую,
Наругаться пришли над иконами.
Обижать пришли царя белого;
Да легко сказать надо с бою взять,
А на то пошло так не выдадим:
С нами бог и царь, дело правое.
Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты не долго была битой улицей,
И прошло твое красно времечко,
Поосела пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безответная.
Приосмелился заяц, выглянул
На дороженьку, стал осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И один пастух одиначенек
При дороженьке, сиротинушка;
Он стоит, глядит в дальнюю сторону:
Словно всех родных проводил с двора,
Проводил на пир, сам не прошен был.
И брала его тоска лютая,
И привиделся небывалый сон.
Словно буря идет, с громом, с молнией;
С треском небо, гляжу, разорвалось,
И в сияньи стоит высока жена
Красоты в очах неописанной.
Громким голосом на все стороны
Говорит она, мать детей зовет:
Подымайтесь, детки милые!
Обижают меня, ох, соколики!
И по слову ее, что ковыль-трава,
Колыхается, подымается
С четырех сторон рать великая;
И, что лебеди по заре кричат,
По поморью кричат камышовому,
Детки матери откликаются:
Слышим, матушка! Не бойсь, выручим!
И, отколь возьмись, белый конь летит,

На меня пахнул из ноздрей огнем;
И схватил коня я за гривоньку,
На коня вскочил храбрым витязем,
И на мне доспех воронена сталь,
Полетел как вихрь, засверкал мечом
И откликнулся звонким голосом.
Как откликнулись храбры полчища:
Слышим, матушка! Не бойсь, выручим!
А как крикнул я, то и сон пропал,
И вскочил, гляжу а и нет коня,
Не доспех на мне, а дыряв зипун,
Не булат в руке пастуховский кнут.
И швырнул я кнут, залился слезьми,
Наземь ринулся, рвал сыру траву.
В сердце зла тоска пуще прежнего.
Али хуже я да честных людей?
Аль что плох пастух так нет удали?
Да хоть песни петь молодецкие
Пригожуся я, как пойдут на бой!..
Трое суток я пропадал с села,
Трое суток я не гонял коров.
На четвертые поздно вечером
Я пришел с степи к отцу, к матери.
До земли челом поклонился им,
Заклинал забыть гнев родительский,
Что я сам нашел свою долюшку
Без отцовского изволения.
Грех с души сними, родна матушка,
Отпусти вину, родной батюшка,
Сплю и вижу я: мне в поход идти.
Испужалася родна матушка,
Почала корить, горьки слезы лить.
Сердце рвалось, да не сдалось!
Что надумалось во сыром бору,
Что под благовест намолилося
(Сам дивлюсь теперь, отколь речь взялась),
Пошел сказывать, перепархивать
Сперва птенчиком низко по земи,
А потом пошел что орел гулять,

Что в своей воде рыба вольная.
Всё ей выложил: рассуди сама,
Коль губить губи! В пастухах держи
Лыко драть, лапти плесть да коров гонять!
Молча слушал отец, на печи лежал;
А и вижу, с печи опускается,
Сед как лунь, старик, прямо к образу,
На колени пал; замолчала мать.
Был грозён-умён родной батюшка.
Не кори, сказал, не вопи, жена.
Не по глупости говорит дитя.
Он добро сказал, и добру быть так!
Ты зажги свечу перед образом,
Осени дитя, как быть следует,
Нерушимым ввек крестным знаменьем:
Сам свезу чем свет и сдам в рекруты.
Просбирала мать во всю ночь меня,
Просидел отец до зари со мной.
С солнцем впряг коней, словно к празднику,
С расписной дугой, сбруя с бляхами.
Девки, молодцы все сбежались,
Как с родным, со мной попрощались.
Гордой поступью вышел батюшка:
Шапки снял народ, расступились.
Помолясь еще, тронул вожжи он
Кони взвились, люди ахнули,
Завопила мать, наземь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо нас избы с клетями,
Зелены луга, ходуны-мосты,
С громом въехали мы в губернию.
Тут и жизнь моя пошла сызнова.
Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Не видал я, где ты начинаешься,
А уж знаю теперь, где кончаешься.
Привела меня ты, дороженька,
К славному городу к Севастополю
Отстоять его, коли бог судил,
Или лечь костями во честном бою.

